

«УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ» У. ШЕКСПИРА В ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕЦЕНЗИЯХ ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Рассматриваются особенности рецепции комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» в томской периодике конца XIX – начала XX в. Как многие классические драматические произведения, воспринимавшиеся на рубеже веков сквозь призму актуальных проблем современности, английская комедия интерпретировалась местными критиками в контексте дискуссий о «женском вопросе». При этом восприятие трех «томских» постановок «Укрощения строптивой» определялось не только этапом развития женского вопроса, но и идеологической позицией конкретного издания.

Репертуар томского драматического театра, подобно репертуару многих театров провинциальной России конца XIX – начала XX в., был обязательно насыщен шекспировскими постановками. Для провинциального зрителя театр выполнял функцию народной школы, предоставляя возможность приобщиться к культурной жизни, подняться еще на одну ступеньку в саморазвитии, получить эстетическое наслаждение благодаря театральности, эмоциональной яркости, уходу от обыденности и бытовых проблем. Классический шекспировский репертуар подходил для этой цели как нельзя кстати. Несмотря на то что провинциальные труппы редко обладали достаточным потенциалом для постановок шекспировских пьес, местные театральные обозреватели были склонны рассматривать уже саму попытку обращения к творчеству великого английского драматурга как безусловно прогрессивное явление. «Хорошего исполнения шекспировской пьесы на провинциальной сцене трудно ожидать, да и нельзя этого требовать. Вполне достаточно и того, если пьеса пойдет сколько-нибудь сносно, великие шекспировские типы не будут искажены, и на сцене мы увидим хотя бы некое подобие их» – писал постоянный театральный критик «Сибирского вестника» В.А. Долгоруков [1. С. 3]. Критик областной «Сибирской газеты» Ф.В. Волховский проявлял еще большую лояльность, находя положительные стороны даже в постановках, серьезно искажающих творческий замысел драматурга. По его мнению, плохое исполнение обязательно вызовет неудовольствие публики и заставит провинциальных актеров всерьез задуматься об общем и специальном сценическом образовании [2. С. 8].

Наибольшей любовью у томского зрителя пользовались трагедии Шекспира. «Гамлет», «Король Лир», «Отелло» ставились в томском театре неоднократно как местными труппами, так и гастролирующими артистами. Томичи могли видеть бессмертные шекспировские образы в исполнении Гликерии Федотовой, братьев Адельгейм и многих других «служителей Мельпомены».

Шекспировские комедии появлялись на томской сцене не столь часто: эта часть драматургического наследия классика пользовалась меньшей популярностью и редко служила поводом для обсуждения на страницах местной периодики. Исключением стала комедия «Укрощение строптивой», трижды поставленная на томской сцене. Комедия, посвященная отношениям мужа и его «своенравной жены», воспринималась местной театральной критикой не как образчик классической драмы, а в контексте актуальных для своего времени вопросов.

Первая постановка «Укрощения строптивой», состоявшаяся в Томске в 1886 г. на сцене нового каменного театра, была встречена критикой провластной «Сибирской газеты» довольно сдержанно. Комедия шла в прозаическом переводе Н.Х. Кетчера (1843), который относят к наименее удачным из его переводческих опытов. Ставя во главу угла критерий точности, Кетчер значительно «утяжелил» текст шекспировской комедии: «легкий острый диалог, игра слов, фейерверк метафор и острот совершенно утрачивали привлекательность, изложенные тяжело-весными периодами» [3. С. 273].

Как высокообразованный человек, демократ, революционер, оказавшийся в Сибири после суда по громкому делу «193-х», Волховский Шекспира хорошо знал и любил. Находясь в доме предварительного заключения, в своем письме к друзьям он просил приобрести книги, необходимые ему в Сибири. В списке были произведения Шекспира, Шелли, Байрона, Бернса – «просто как материал для эстетического наслаждения и умственной жизни» [4. С. 124]. Вероятно, поэтому в своей рецензии на постановку по переводу Ф. Кетчера критик заявил, что «Укрощение строптивой» даже в чтении не доставляет эстетического наслаждения современному читателю» [5. С. 1218].

По саркастическому замечанию Волховского, долгожданный Шекспир появился на томской сцене «не с той стороны, откуда он виден во весь рост, а скорее с такой, откуда видны его фалды, да и те сомнительного происхождения» [5. С. 1218]. В первую очередь недоумение критика вызывал сам выбор пьесы, проблематика которой представлялась ему неактуальной. Разделяя установку областников об «активном воздействии искусства на действительность» [6. С. 58], он полагал, что «Укрощение строптивой» могло быть понятно и забавно только шекспировским современникам, которые, «несмотря на всю разницу между русскими и англичанами в XVII веке, склонны были сочувствовать правилам Домостроя» [5. С. 1218]. Убежденный демократ-народник Волховский не мог без симпатий относиться к своим современникам, активно добивающимся социального равноправия. В кружке «чайковцев», в котором он состоял в 1870-е гг., женщины являлись полноправными членами и в большой степени задавали его высокий нравственный уровень. В своих соратниках «семидесятники» видели «самое чистое воплощение того типа идеальных, безгранично любящих и самоотверженных женщин, который так часто вдохновлял поэтов и романистов» [7. С. 230]. Воспитанный в такой среде, Волховский абсолютно искренне не мог понять, как из-под пера великого английского драма-

турга, создавшего столько «высоких, чистых и прекрасных женских типов», мог выйти фарс, оправдывающий униженное положение женщины, запугиваемой собственным супругом. Единственной причиной появления такого нехарактерного для Шекспира произведения он видел в стремлении драматурга соответствовать вкусам эпохи: «В *Укрощении строптивой* Шекспир отдал естественную дань времени, которое давало еще такой простор власти мужа над женой», – заключал Волховский [5. С. 1218].

Критике подверглась и «местная» интерпретация «Укрощения строптивой». Хотя Волховский считал, что комедия не отражала глубины шекспировской мысли ни в плане сюжета, ни в плане характеров, при анализе он все же видел два возможных толкования образов главных героев – Петруччио и Катарини. По его мнению, Петруччио, пытающийся усмирить жену столь суровыми и строгими способами, мог делать это по внутреннему и искреннему убеждению, и тогда он просто «крайне взбалмошное и грубое животное, приобретающее себе жену так, как не приобретают даже лошади» [5. С. 1218]. С другой стороны, Волховский признавал возможность подлинных чувств Петруччио к Катарине. Подобная трактовка делала образ главного героя более глубоким и сложным: Петруччио искренне любит жену, а все варварские средства перевоспитания используются им с единственной целью сделать ее лучше. Вторая интерпретация Волховскому ближе и интереснее, поскольку такой путь давал актерам больше творческой свободы, благодаря чему игра приобретала разнообразие и богатство оттенков. К сожалению Волховского, томский бенефициант Корсаков выбрал «более легкий путь» и изобразил «дикого, необузданного человека, смотрящего на жену как на домашнюю утварь» [5. С. 1218]. В связи с этим критик с похвалой отзывался о Ю.Ф. Строговой, исполнительнице роли Катарини. Актрисе удалось найти единственно верное решение в такой ситуации: «показать женщину, оставшуюся внутренне непокорной» мужу, смотрящему на жену как на предмет домашнего обихода. В целом постановка «Укрощения строптивой» была оценена Волховским как репертуарный промах.

Вторая постановка «Укрощения строптивой» в Томске состоялась в 1897 г. Это был гастрольный спектакль, в котором главную женскую роль исполняла Гликерия Николаевна Федотова. Роль Катарини была одной из принесших актрисе славу и народную любовь: она была просто создана для изображения центральных женских фигур Шекспира, «полных сил, активности, либо радостей жизни, либо до злодейства наступательной энергии» [8. С. 84]. Блестящая игра Федотовой позволила В. Лидину, театральному критику «Томского листка», позднее переименованного в «Сибирскую жизнь», сосредоточить внимание на исполнительском мастерстве актрисы, не касаясь содержательной стороны комедии, которую он называет не более как «прелестной вещичкой гениального драматурга» [9. С. 2]. По мнению Лидина, драматическая игра Федотовой доставила такое высокое эстетическое наслаждение, какого томичи никогда не испытывали в стенах своего театра. Лидин писал: «Артистка наглядно нам показала, как <...> можно создать вполне за-

конченный, художественно-цельный, живой образ из того материала, который дает распоряжение драматурга» [9. С. 2]. В связи с этим недоумение обозревателя вызвал полупустой зал, что, впрочем, касалось не только «Укрощения строптивой», но и других спектаклей во время гастролей Федотовой. Ему было «стыдно» за томичей, не воспользовавшихся счастливым случаем посмотреть «действительно художественную классическую игру, пользующейся уважением всей России артистки» [9. С. 2].

В 1901 г. состоялась третья постановка комедии на местной сцене. В целом для России рубежа веков характерен заметный подъем драматического искусства, во многом связанного со становлением современной драмы, от которой требовалось отражать действительность и освещать актуальные вопросы. Иначе воспринимался и классический репертуар. Согласно требованиям времени, критики вкладывали в трактовку классических сюжетов современные вопросы: нравственное падение «культурного общества», разложение семьи, условность морального кодекса, различного для разных слоев, «женский» вопрос, положение художника в современном обществе. С этой точки зрения показательна рецензия на третью постановку «Укрощения строптивой» в томской газете «Сибирский вестник».

В начале века современная драма пришла и на провинциальную томскую сцену. Устав от нескончаемых опереточных сезонов, местный зритель, пусть еще не совсем готовый к восприятию тонких психологических нюансов современной драмы, приветствовал Ибсена, Гауптмана, Бьернсона и Чехова в исполнении талантливых артистов драматической труппы Каширина и Аярова. Но и в таком контексте «Укрощение строптивой» отнюдь не воспринималась как ошибка антрепренера.

В рецензии, написанной пятнадцать лет назад, Волховский отказал этой пьесе в актуальности, рассматривая содержание комедии с позиции «семидесятника», для которого вопрос о женском равноправии существовал в контексте основной социально-философской проблемы эпохи – свободы личности. В 1901 г. театральным критиком «Сибирского вестника», издания умеренно-либерального, признан «Укрощение строптивой» отвечающей требованиям злободневности в гораздо большей степени, чем любая из «кроенных по последнему фасону пьес, на следующий сезон отдающих плесенью и мраком гробниц» [10. С. 3]. По его мнению, Шекспир, понимавший человеческую природу «вне времени и пространства», не мог поддаться социальным влияниям своего времени во взглядах на женщину. Критик считал, что рассмотрение «Укрощения строптивой» как картины социального угнетения женщины обесценило бы постановку комедии в глазах современного общества, в целом уже признавшего за женщиной равные с мужчиной права: «Принципы равенства, в семьях на улицах, в школах и парламенте, забрались и в гуся. Женщина, это слабое и безвольное существо, <...> стремясь к равенству в труде, будучи приготовлена к сотрудничеству в приобретении крова и хлеба, <...> выходит из этого поэтического рабства, столь причудливо увешанного Шекспиром гирляндами своей фантазии и юмора» [10. С. 3].

Рецензент рассмотрел «Укрощение строптивой» в контексте женского вопроса, который в начале XX в.

вышел на новый виток развития. К началу 1880-х гг. труды многих зарубежных мыслителей, затрагивающих эту проблему, сделались широко известными отечественному читателю. Огромную популярность завоевала книга английского философа Д.С. Милля «Подчиненность женщины», в которой автор доказывал, что многие положительные качества женщины не учитываются современниками. Так, по его мнению, «женский ум от природы более подвижен, чем мужской», хотя и «менее способен к долговому упорствованию в неослабных стараниях об одном и том же» [11. С. 141]. Разделял эту позицию и социолог Г.Т. Бокль, доказывающий в своей книге «Влияние женщины на успехи знания», что благодаря особому складу ума женщины способны «оказывать весьма важное и благотворное влияние на метод, посредством которого делаются научные открытия» [12. С. 16].

Противоположной точки зрения придерживались А. Шопенгауэр, М. Нордау, О. Вейнинггер, Ч. Ломброзо. Шопенгауэр был убежден, что женщина не создана для высших страданий, радостей и могущественного проявления сил: «Женщины не имеют ни восприимчивости, ни истинной склонности ни к музыке, ни к поэзии, ни к образовательным искусствам; и если они предаются им и носятся с ними, то это не более как простое обезьянство для целей кокетства и желания нравиться» [13. С. 148]. Скептически относился к способностям женщин М. Нордау, имя которого будоражило умы современников. Он считал, что «женщина несравненно менее разнообразна, чем мужчина» и не нуждается в обучении для достижения успеха в жизни [14. С. 30]. В 1897 г. в России была опубликована работа Ч. Ломброзо и Г. Ферреро «Женщина преступница и проститутка», в которой превосходство мужчины над женщиной доказывалось с физиологической и анатомической точки зрения. Авторы полагали, что даже сам «характер любви женщины» указывает на то, что она «стоит ниже мужчины» [15. С. 11]. Скандальный успех в русском обществе конца XIX в. получили идеи молодого австрийского философа и психолога О. Вейнингера. В книге «Пол и характер» он утверждал, что истинная сущность женщины «всцело и исчерпывающе характеризуется понятием сводничества», а ее «высшая ценность» заключается в «половом акте» [16. С. 264]. По мнению Вейнингера, женщины вообще лишены своего «я»: «У женщин нет ни существования, ни сущности, они не существуют, они – ничто» [16. С. 290].

Среди русских деятелей культуры в обсуждении «женского вопроса» еще в 1870-е гг. наместились два направления: «эмансипаторы» (Н.В. Шелгунов, Г. Благовослов, П.В. Безобразов) и «консерваторы» (Н.Н. Страхов, П. Щербальский). «Эмансипаторы» пропагандировали среднее и высшее образование для женщины, добивались для нее права трудиться в любой сфере. Так, например, П.В. Безобразов был убежден, что некоторые физиологические и психологические черты современной женщины возникли искусственно: «Поработив и подчинив себе женщину, сначала вследствие своего физического превосходства, а потом и умственного, мужчина сумел приобрести привилегированное положение, сумел убедить женщину, будто у него совсем другой склад организма и совсем другие, чем у него, потребности» [17. С. 29–30].

«Консерваторы», в свою очередь, поднимали вопросы духовности женщины и ее роли в семье. Таким образом, проблема брака на рубеже веков снова поднялась на философскую высоту, но на другой основе: ставился вопрос о семье не только как о ячейке социальных отношений, а как о «супружеском союзе, полном духовном единении, поиске нравственной чистоты, искренности, безусловной любви» [4. С. 169]. Эта полемика находила отражение и в материалах местной периодики, где, наряду с публикациями в поддержку «эмансипаторов», поднимался вопрос о причинах разложения буржуазной семьи.

Томских публицистов и беллетристов глубоко волновали проблемы женской нравственности. Все чаще встречались рассказы, героинями которых выступали не женщины-жертвы, преданные своими возлюбленными и мужьями, а, наоборот, жены, супружеская измена которых привела к трагической развязке: гибели мужа, ребенка и самой героини. Под влиянием трудов М. Нордау, Г. Ферреро, Ч. Ломброзо, «эмансипированных» женщин уличали в легкомысленности, непоследовательности, меркантильности и безнравственности. Вслед за известными западно-европейскими и отечественными философами местные критики выделяли негативный тип так называемых «дам», противопоставляя его «собственно женщинам», и со всей силой обрушивались на его представительниц, обвиняя их в отсутствии «серьезного дела, непонимании святого долга материнства, создании семьи во имя грубо прикрытых эгоистических интересов» [18. С. 2]. В статье «Современная Ева», опубликованной в «Сибирском вестнике» в 1896 г., о таких «дамах» писали не иначе как о «гордых, бесстыдных куклах с птичьим мозгом и извращенными чувствами» [19. С. 2]. Рассуждая о роли женского труда в народном хозяйстве, публицисты заостряли внимание на том, что выход женщин на работу, а следовательно, их большая финансовая независимость, может привести к расстройству семьи, половой распущенности и насилию со стороны работодателя [20. С. 2]. Адюльтер стал одной из центральных тем для обсуждения. «В настоящее время адюльтер пока процветает. Он сделался чем-то вроде спорта, в котором упражняется всяк и каждый» [19. С. 2].

Вероятно, прообраз такой «модной дамы» и увидел в шекспировской Катарине местный театральный критик. Постановка пьесы завершала театральный сезон, во время которого зрителям были представлены многочисленные семейные драмы западно-европейских и русских драматургов: «Одинокие» Г. Гауптмана, «Гибель Содомы» и «Родина» Г. Зудермана, «Право любить» М. Нордау, «Потемки души» В.О. Трахтенберга. Неудивительно, что и английская комедия воспринималась именно в контексте вопроса о нравственности и прочности семейных отношений. Томский критик считал, что в «Укрощении строптивой» Шекспир оставил «формулу семейной гармонии» в назидание будущему веку: строптивость шекспировской Катарини вызвана отнюдь не стремлением к свободе личности и самоутверждению, как в свое время доказывал Ф. Волховский, а скорее «мелочным задором каприза», легкомысленностью, ведущей к безнравственности. Критик писал: «Строптивость и рогатость почти синонимы. Тогдашнее общество (а теперешнее не так ли?) прикры-

валось фольгой семейственности. Под ней же уживалось легкомыслие, <...> которое было в действительности распутством» [10. С. 3]. В подобной интерпретации стремление Петруччио, мужа Катарины, побороть строптивость супруги, пусть и достаточно жесткими методами, находило полное оправдание, поскольку являлось ничем иным, как борьбой за гармонию и чистоту семейных отношений. Заканчивая рецензию, критик, настроенный весьма консервативно, выводил конкретное определение гармоничных семейных отношений, звучащее в унисон с идеями Ломброзо и Нордау: «Нет сомнения, что как бы пышно ни расцветали идеи равенства полов, в мужчине всегда останется инициатор, покровитель женщины, самой природой обреченной на слабость. Он будет любить ее с оттенком сострадания, она его с оттенком благоговения» [10. С. 3].

Шекспир оставался одним из самых популярных драматургов в провинциальном театре, даже тогда, когда на столичной сцене число шекспировских постановок сокра-

тилось. Его драмы давали томскому зрителю возможность приобщиться к мировому культурному наследию и получить эстетическое наслаждение. Даже поставленные силами местной труппы произведения английского драматурга привлекали своей зрелищностью и эмоциональными накалом. Вместе с тем, как показывает наш анализ театральные рецензии на три постановки «Укрощения строптивой» в томском театре, классическое содержание, согласно требованиям времени, наполнялось новыми смыслами и оценивалось местной критикой с позиций злободневных вопросов. Такой актуальной проблемой, в свете которой местная критика интерпретировала постановку, стал женский вопрос. При этом отнесение комедии в разряд репертуарных промахов либо признание ее идейного превосходства над современными драмами определялось не только очередным витком развития полемики по женскому вопросу в России, но и идеологической позицией издания, опубликовавшего рецензию, а также убеждениями самого рецензента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирский вестник*. Томск. 1890. № 170 (18 июля).
2. *Сибирская газета*. Томск. 1884. № 1 (2 января).
3. *Левин Ю.Д.* Шекспир и русская культура XIX века. Л., 1988.
4. *Петровская И.Ф.* Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX века. Л., 1979.
5. *Сибирская газета*. Томск. 1886. № 43 (25 декабря).
6. *Чмыхало Б.А.* Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX века // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986.
7. *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.
8. *Загорский М.* Шекспир в России // Шекспировский сборник. М., 1947.
9. *Томский листок*. Томск. 1897. № 137 (28 июня).
10. *Сибирский вестник*. Томск. 1901. № 33 (6 февраля).
11. *Милль Д.С.* Подчиненность женщины. СПб., 1869.
12. *Бокль Г.Т.* Влияние женщин на успехи знания. СПб., 1896.
13. *Шопенгауэр А.* О женщинах // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. СПб., 1886.
14. *Нордау М.* В поисках за истиной (парадоксы). СПб., 1892. С. 30.
15. *Ломброзо Ч., Ферреро Г.* Женщина преступница и проститутка. Киев, 1897.
16. *Вейнингер О.* Пол и характер. М., 1997.
17. *Безобразов П.В.* О современном положении женщины. М., 1892.
18. *Сибирский вестник*. Томск. 1900. № 98 (25 апреля).
19. *Сибирский вестник*. Томск. 1896. № 271 (15 декабря).
20. *Сибирский вестник*. 1901. № 30 (3 февраля).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 июня 2008 г.